

**Некоторые проблемы
миноритарных языков Памира
(к становлению письменности и литературы)
*The development of writing systems and written literature
in Pamir minority languages***

Эдельман Д.И.

Edelman J.I.

Стремление народов Памира к выработке письменности и письменной литературы на родных языках имеет глубокие корни в виде богатого фольклора и давнего знакомства грамотных людей с классической персидско-таджикской литературой. На протяжении многих десятилетий интеллигенция Памира добивалась разработки алфавитов и публикации литературных произведений на родных языках. Сейчас мы видим процесс реализации этих усилий.

Ключевые слова: родной язык, письменность, алфавит, литература

The peoples of the Pamir Mountains have for many years longed to develop writing systems and written literature in their native languages. This aspiration is deeply rooted in their rich folklore traditions and in the fact that literate people knew the classical Persian-Tajik literature. Pamir intellectuals strived for many decades to produce alphabets and publish literary works in their native languages. Today we can observe the effect that these efforts are having.

Keywords: mother tongues, written language, alphabet, literature, Pamir languages, Indo-Iranian

История «малых» языков Памира в XX и начале XXI вв. свидетельствует о борьбе их носителей не только за само выживание этих языков в эпоху глобализации, но и за повышение социального статуса, расширение общественных и культурных функций некоторых из них.

Речь идет о так называемых памирских языках, на которых говорят малочисленные народы Западного и Южного Памира и примыкающих регионов, образующих ареал, называемый Бадахшаном. Это продолжения древних языков и диалектов восточноиранской группы, в отличие от государственного таджикского языка, принадлежащего к западноиранской группе. К памирским языкам относятся:

1. Так называемая шугнано-рушанская группа языков или диалектов: шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, рошорвский. На них говорят в северо-западной части Памира — в Горно-Бадахшанской автономной области (далее ГБАО) Республики Таджикистан и в прилегающей к ней провинции Бадахшан в Афганистане. Входящий в эту группу сарыкольский язык распространен в местности Сарыкол Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. Все языки этой группы взаимопонимаемы, однако единой объединяющей их надъязыковой (или наддиалектной) нормы не существует, поэтому их называют языками, диалектами или языками/диалектами шугнано-рушанской группы.

2. Язгулямский язык, генетически близко родственный языкам шугнано-рушанской группы, но без взаимного понимания. Распространен в долине Язгулям, севернее шугнано-рушанского ареала, в ГБАО Республики Таджикистан.

3. Ишкашимский язык, отдаленно родственный выше-названным, без взаимопонимания, распространен в южной части ГБАО и частично в Афганском Бадахшане.

4. Сангличский язык, родственный ишкашимскому, распространен еще южнее, в Афганском Бадахшане.

5. Ваханский язык — распространен в относительно обширном регионе: на Южном Памире (в ГБАО), в прилегающих районах Афганистана, Северного Пакистана и частично в Сарыколе (КНР).

Точное число носителей памирских языков неизвестно. Переписи населения разных лет учитывали количество людей, проживающих в том или ином регионе Бадахшана, но не содержали информации об их родных языках¹.

Несмотря на генетические различия этих языков, они имеют относительно однотипный фонологический и грамматический строй, что объясняется общим субстратом (в виде неиндоевропейского языка бурушаски), единым суперстратом (о нем см. ниже) и многовековым межъязыковым общением в едином ареале. Это позволяет говорить о наличии здесь языкового союза [Додыхудоев 1970; Эдельман 1980а]. В некоторых трудах к памирским языкам причисляют также мунджанский и йидга, на которых говорят в долинах Восточного Гиндукуша, в Афганистане. Однако от языков, перечисленных выше, их отличает ряд существенных генетических и структурно-типологических черт.

Все памирские языки имеют в научной литературе статус бесписьменных. Языками письменности, книг на протяжении

¹ В ряде лингвистических и этнографических трудов приводятся оценочные данные о численности, например, шугнанцев (88 тыс. чел. на 1999 г. [Каландаров 2004: 7–8]), сангличцев (1312 чел. на 1996 г. и 1250 чел. на 2012 г. [Юсуфбеков 2013: 3]), ишкашимцев (менее 1 тыс. чел. на 2009 г. [Назарова, Назаров 2009: 166]), но это сведения о количестве людей, проживающих в данном регионе и принадлежащих к данному этносу. Лингвистический фактор учитывается не всегда: например, человек (особенно представитель молодого поколения), живущий в Ишкашима и называющий себя ишкашимцем, может быть таджикоязычным, а в Шугнана говорят не только по-шугнански. С другой стороны, родной язык может сохраняться в группах диаспоры вне памирского ареала.

многих столетий (а также школьного образования и средств массовой информации в наши дни), служат продолжения классического персидско-таджикского языка: персидский, таджикский и язык дари Афганистана; последние являются *lingua franca* бытового общения и тем самым — элементами общего суперстрата для местных языков. В последние годы в ГБАО в качестве второго *lingua franca* выступает шугнанский язык, на котором говорят в административном и культурном центре Памира.

О времени появления письменности на Памире существуют разные мнения. Известно, что в регионах Центральной Азии бытовали языки, письменные памятники которых дошли до нашего времени: сакский (в регионах Хотан, Тумшук, Муртук, памятники с начала VII в. н.э. до 2-й половины X в. н.э.), бактрийский (в исторической Бактрии, на территории юга Узбекистана и Таджикистана и севера Афганистана, памятники с I–III вв. н.э. на основе греческой графики), согдийский (значительно севернее, памятники с I в. до н.э.). В отдельных работах на основании свидетельств средневековых путешественников высказывается предположение о бытовании неких видов письма и на Памире. Однако пока зафиксированных письменных фрагментов не обнаружено, говорить об их присутствии в прошлом в труднодоступных горных ущельях трудно. Дошедшие до нас многочисленные наскальные рисунки и знаки-символы в разных регионах Памира не представляют письменного текста.

Достоверное появление письменной (и литературной) традиции на Памире и в соседних регионах связано с просветительской и миссионерской деятельностью поэта, философа и мыслителя XI в. Носира Хусрава (1004–1088). Это литература на классическом персидском (или персидско-таджикском) языке, в письменности на основе арабской графики. По-видимому, тогда же, как следствие просветительской деятельности Носира Хусрава, сформировалась присущая народам Памира тяга к книге, огромное

уважение к написанному слову, к книжной грамотности, которую отмечают историки, этнологи и просто путешественники разных лет.

Позднее, в XX в. она приведет, с одной стороны, к бережной фиксации устного народного творчества, а с другой — к потребности в выработке письменности и в образовании на родном языке, в создании авторских литературных сочинений, а затем и в нормировании литературного языка и т.п.

Уже в первых научных записях европейскими учеными в XIX в. текстов, словарей и просто списков слов разных памирских языков видно, насколько развит фольклор, богата его лексика и нормализована грамматика. Сравнение современных фольклорных текстов с записанными в XIX в. образцами стихотворных и прозаических текстов показывает, что традиционные жанры, базовые сюжеты практически не изменились. В корпусе волшебных сказок характерны сюжеты и персонажи, тесно связанные с местной памирской мифологией (о принципах зависимости волшебной сказки от мифа см. [Пропп 2000]; примеры, иллюстрирующие эту зависимость в фольклоре Памира см. [Курбонхонова 2011]). Интересно, что фольклор и XIX в., и нашего времени двуязычен: тексты создаются и на родных языках, и на таджикском². Мы застали здесь разработанный жанр сказок с песенными вставками, свойственный многим народам мира; при этом песенные вставки в сказках, исполняемые на определенные мелодии, часто поются по-таджикски, обычно — на местном таджикском диалекте.

Разработаны собственно песенные жанры: *булбулик* (от тадж. *булбул* ‘соловей’), *даргилик* (от шугн. *даргил* ‘горестный; в тоске’ — рифмованные бейты, обычно по 8 слогов в стихе, с грустной протяжной мелодией и

² Из двух первых песен жанра «даргилик», записанных в XIX в., одна была на таджикском языке, одна — на рошорвском, см. [Даргилик 1987: 9].

припевом *даргил-модик* или *даргил-даргил*; жанр возник из женской песни — тоски на чужбине о матери), *лалайик* (колыбельная, от *ла-ла* ‘баю-бай’).

Отмечается нормализация языка и стиля фольклорных текстов. Она особенно заметна в фонетике в виде относительно медленного темпа речи, четкой артикуляции, отсутствия или малого количества фонетических стяжений слов, а также в лексике в виде отбора слов условно «высокого» стиля. Практически это веками отработанный, нормированный стиль устной литературы. При этом, несмотря на общие жанровые фольклорные каноны, наддиалектная (или надъязыковая) норма, как уже говорилось, отсутствует, все тексты бытовали и бытуют по-отдельности на каждом языке.

Рубеж конца XIX – начала XX в. на Памире ознаменовался глубокими социальными потрясениями, которые способствовали, помимо прочего, реализации стремления его народов к письменной культуре. Страдая от набегов афганцев и притеснений со стороны Бухарского эмирата, представители памирцев в начале 1890-х гг. обратились к правительству России с просьбой о вхождении в Российскую империю. В результате в 1895 г. на Памире появился российский пограничный отряд. Организована «Русско-туземная школа», работавшая с 1910 г. (по другим сведениям, с 1909 г.) по 1918 г. Это была первая светская школа (в отличие от немногих прежних религиозных), которая дала выпускникам выход из языковой, социальной и даже психологической изоляции: ее роль для Памира сравнивают с ролью Царскосельского лицея для России. Ее выпускники стали носителями грамотности для населения Памира, которое до того было почти сплошь неграмотными (особенно женщины). Одним из выпускников этой школы был Шириншо Шотемур (дек. 1899–27.10.1937), ставший впоследствии видным государственным деятелем Таджикистана и начальником республиканского штаба по ликвидации безграмотности. Об этом периоде истории см. [Каландаров 2004: 70 и сл.]

На фоне общего внедрения грамотности в СССР в 20-е – 30-е гг. и, соответственно, внедрения грамотности в Таджикистане на таджикском языке, с письменностью — сначала на арабской графике, затем, в конце 20-х гг., — на латинице, возникла идея создания письменности и для памирских языков на базе латинского алфавита. На это были направлены общие усилия российских и таджикских языковедов и отдельных представителей местной интеллигенции.

В результате начало 30-х гг. ознаменовалось буквально взрывным расцветом письменной культуры. Работа шла над письменностью для шугнанского языка как наиболее распространенного. Этому способствовало еще и то, что г. Хорог — центральный населенный пункт Шугнана, теперь уже был и административным и культурным центром ГБАО, образованной в 1924 г. в составе Таджикистана.

Шугнанский алфавит был разработан весьма детально и очень грамотно с точки зрения его соответствия системе шугнанской фонетики и фонологии. Этой разработке предшествовал большой труд по анализу звукового и фонемного состава шугнанского языка, поскольку он существенно отличается от таджикского. Для изображения фонем, отсутствующих в таджикском, дорисовывались буквы на базе латинских. Каждой фонеме соответствовала одна буква, диграфы отсутствовали, диакритики допускались только при обозначении долгих гласных фонем, чтобы отличить их от сходных по качеству кратких гласных. См. образец текста на шугнанском языке, иллюстрация 1.

На основе этой графики создавались и издавались, в основном в Сталинабаде (ныне Душанбе) и Ташкенте, учебники, особенно для начальной школы: буквари, книги для чтения, учебники арифметики, географии; было издано также несколько учебников для взрослых, в рамках движения ликвидации неграмотности. Начался процесс школьного образования и работа кружков обучения грамоте взрослых. Уже сам учебный

Īitumat Xorpuġt

*Īitum as xorpuġti wīnt xu lōdi:
 „jīd tu ūdīn čapān lap bezeb
 Ćizardat dam pinuġ?” Xorpuġt
 ciwob dōd: „Ūn jam bezeb! amo
 jam mu bezeb čapān muji as
 wūrčat kud cāng xalos cūgč.
 Ata tu lōvi dō jīd tu pūxok nār-
 mat saled ea, dōndga xizmat turd
 kiġt jo naj?” Īitum oji sar tīzd
 xu gargaji nadōd xu tojd.*

*Страница из шугнанского букваря,
 приведено по [Morgenstierne 1974]³*

процесс требовал выработки устного и письменного стиля литературного шугнанского языка.

³ Транскрипция текста: «*Īitum-at Xorpuġt*». *Īitum as xorpuġt wīnt xu lūd-i: «Yid tu sūdīn čapān lap bezeb. Ćiz-ard-at dam pinuġ?» Xorpuġt ġiwob dōd: «Ūn, yam bezeb! Amo yam mu bezeb čapān mu-yi as wūrġ-at kud čang xalos cūġġ. Ata tu lūv-idō yid tu puġok nārm-at saled ea, dūnd-ga xizmat tu-rd kiġt yo nay?» Īitum oyi sar tīzd xu gap-ga-yi nadōd xu toyd.*

Перевод: «Заяц и ёж». Заяц увидел ежа и сказал: «Этот твой тулуп с иглами очень некрасив. Зачем ты его надел?» Ёж ответил: «Да. Он некрасив! Но этот мой некрасивый тулуп спас меня от когтей волка и собаки. А ты скажи: эта твоя одёжка, которая мягкая и белая, такую же службу тебе делает или нет?» Заяц тяжело вздохнул, (больше ничего) не сказал и ушел (букв. 'ушла', очевидно, подразумевается зайчиха, однако в тексте пол животных не был обозначен).

Создается художественная литература на шугнанском языке. Были опубликованы переводы с русского языка художественных произведений: В. Гауф «Маленький Мук» («*Ѕulikik Muk*») и Л. Кассиль «Льдина-холодина» (переведенное как «*Sumγot-i uaxparča*» «Подарок-льдинка»). И если «Маленький Мук» — сказочный текст — был в языковом отношении оформлен в привычном стиле волшебной сказки, то текст «Льдины-холодины» уже был выполнен в стиле литературного прозаического повествования с его специфическими языковыми средствами. Был подготовлен перевод на шугнанский язык романа М. Горького «Мать», однако издан он не был. Тогда же было заложено начало создания поэтических сочинений на шугнанском языке, построенных уже не только по фольклорным традициям, но и по литературным канонам, главным образом классической персидско-таджикской литературы.

Ведущую роль в этом процессе становления литературного шугнанского языка (а также в подготовке и издании учебников для младших классов и для взрослых) играл талантливый поэт и просветитель Нодир (Джамшед) Шанбезода, который ныне признан основоположником шугнанской поэзии, оказавшим влияние на других поэтов. Именно он ввел в те годы в поэзию на шугнанском языке правила классической персидско-таджикской литературы: ритмику аруза, жанры месневи, газель, китъа, рубаи. В 1937 г. он издал первый стихотворный сборник на шугнанском языке «Гулгунча» («Бутон»).

Однако уже наступали годы «Большого террора» во всем СССР. Сборник стихов Н. Шанбезода был уничтожен, а сам он репрессирован, как и другие представители нарождающейся памирской интеллигенции, которые начали работать к тому времени (Ш. Шотемур, поддерживавший просветительскую работу, был расстрелян 27.10.1937). Все работы по развитию литературы и обучения на памирских языках были закрыты. Образование, даже начальное, было целиком переведено

на официальный таджикский язык. Подробнее об этом периоде см. [Аламшоев 2009: 180].

Книги на шугнанском языке (учебники и художественные переводы, о которых говорилось выше) какое-то время еще хранились в фондах Центральной публичной библиотеки Таджикистана, в отделе краеведения, но в образовательном процессе уже не использовались. В 50-е гг. мне еще довелось там, в библиотеке (в то время она называлась Библиотекой им. Фирдоуси), поработать с этими книгами, однако позднее, в 70-е гг. они были уничтожены. Так языковая политика Таджикистана тех лет на долгие годы затормозила создание письменности на памирских языках, а тем самым и развитие литературы и разработку литературного письменного стиля.

Однако остановить этот процесс было уже невозможно: ряд писателей (главным образом, поэтов, но и некоторых прозаиков), которые публиковали свои сочинения по-таджикски, продолжали писать также и на родных языках — только «в стол». По имеющимся сведениям, это были в первую очередь носители шугнанского языка — наиболее «продвинутой» часть интеллигенции. (Попутно следует отметить, что в годы советской власти Памир отличался от остальных регионов Таджикистана самым высоким числом людей с высшим образованием и студентов. Сказалась многовековая тяга к книге, к письменному слову). К тому же на протяжении XX в. на Памире не ослабевает интерес к родному языку и культуре среди широких слоев населения.

В академической и университетской среде ведутся записи, исследования и публикации фольклора на разных языках Памира. Издаются книги, содержащие тексты разных фольклорных жанров: сказки, легенды, песни и т.п. (серии книг «Фольклор народов Памира», «Памирский фольклор»). Тексты строго паспортизованы, с указанием имени сказителя или певца, его возраста, места и времени

записи и обозначением записавшего лица. Печатаются исследования закономерностей разных фольклорных жанров, см., например, статью [Курбанов, Шакармамадов 1987: 5–17] в кн. [Даргилик 1987], многие статьи в академических сборниках «Памироведение», «Вопросы памирской филологии», в научных журналах.

При этом фольклорные записи, при всей их ценности для лингвистики и шире — филологии, а также для этнологии, религиоведения и т.д., являются, как уже говорилось, образцами устной литературы, со своим нормированием. Некоторое исключение представляют повествовательные тексты, жизнеописания, рассказы о событиях, об обычаях и т.п. Они относительно близки к литературной прозе, в частности к мемуарам, однако все же не подвергаются нормированию в качестве письменного рассказа, обращенного к невидимому читателю. Нередко в них встречаются прямые обращения к реальному собеседнику, попутные реплики и т.п. См., например, эпические по стилю рассказы о жизни, о строительстве дома и т.д. в кн. [Зарубин 1960], и более эмоциональные тексты о приметах, верованиях в кн. [Бромшоева 2012].

XX в. ознаменовался и глубоким лингвистическим анализом памирских языков, необходимым для создания письменности. В известной мере способствует этому и научный интерес к языкам и культуре народов Памира исследователей «со стороны». Особую роль здесь сыграла российская наука, в частности школа И.И. Зарубина в лице представителей лингвистических и шире — филологических школ Москвы и Санкт-Петербурга (в то время — Ленинграда). Тщательность записей и исследования системы каждого из памирских языков сопровождается в их работах этнолингвистическими наблюдениями и большими корпусами текстов. В результате к 90-м гг. XX в. были практически описаны (в синхронном и диахроническом аспектах) памирские языки и собраны большие корпусы текстов разных жанров.

В то же время к 90-м гг. XX в. усилились международные веяния, способствующие пониманию ценности родных языков, даже бесписьменных, «малых» и непрестижных.

Институт перевода Библии совместно с Российской Академией наук начал разрабатывать переводы на языки РФ и СНГ. При этом, помимо богословских задач, теории перевода и культурологии, немалое внимание уделяется также практике перевода на разные языки, в том числе и находящиеся на грани исчезновения. Эти проблемы обсуждались на широких форумах в 1996, 2000, 2008 гг. В рамках этого проекта были сделаны переводы фрагментов Евангелия от Луки на языки Памира: шугнанский, рушанский, язгулямский и ваханский. Для их публикации нами (Р.Х. Додыхудоевым и мною) были разработаны два варианта практического алфавита: на основе латиницы и кириллицы — с использованием букв таджикского алфавита и дополнительных знаков для каждого из языков Памира. Эти переводы были изданы в виде отдельных книжек на двух алфавитах, с иллюстрациями для облегчения понимания текста. Варианты алфавита и список основных орфографических правил опубликованы в приложениях к статье [Эдельман 2010: 198–201]. В книге [Перевод Библии 2010] во многих статьях подчеркивается, что одна из задач этих переводов — стимул к сохранению языков и к выработке и развитию их литературной нормы, к культурному обогащению народов. В предисловии к язгулямскому переводу один из переводчиков написал (привожу в русском переводе): «До сих пор на нашем языке такой книги не было. Мы впервые взяли на себя этот труд ... и у нас есть надежда, что она (то есть книга — Д.Э.) поможет, чтобы наш язык оставался живым и чтобы развивалась язгулямская литература» [Luqoi Injil 2001: 8–10].

Продолжалась работа Фонда «Языки в опасности» («Foundation for Endangered Languages»); очередная (13-я) конференция Фонда, совместная с Институтом гуманитарных наук Академии наук Таджикистана (г. Хорог) и Институтом

исмаилизма (Лондон), была проведена в 2009 г. на Памире, в Хороге. Обсуждались многие проблемы «малых» языков, «языков в опасности», «языков на грани исчезновения», включая памирские.

По решению ЮНЕСКО от 17 ноября 1999 г., с 2000 г. 21 февраля принято отмечать как «День родного языка», о чем напоминает и памирское общество «Нур» («Свет») — (NGO Nur, с центром в Шугнанае), которое ведет активную работу по сохранению языка и развитию его литературной формы, путем налаживания связей с лингвистами, участия в издании книг (включая дидактические книжки для детей дошкольного возраста), оцифровки собранных в экспедициях материалов и т.д.

В этих условиях к концу XX в. среди представителей новой памирской интеллигенции, высокообразованных на базе таджикского, русского (а некоторые и английского) языков, наблюдались две противоположные тенденции в отношении к родным языкам.

С одной стороны, они еще воспринимали родные языки как функционально ограниченные, пригодные для бытового, устного, неформального общения, а официальные публичные выступления должны были вестись по-таджикски (или по-русски). Это проявлялось и в речевом поведении. Например, в 1991 г. мне пришлось наблюдать выступление носителя шугнанского языка в большой аудитории, где слушатели тоже были шугнаноязычны. В зале он говорил с собеседниками по-шугнански, но как только поднялся на кафедру, автоматически перешел на официальный — таджикский — язык, несмотря на крики из зала: «Говори на своем языке» (традиционно в шугнанском, как и в других памирских языках, нет обращения «Вы»). Только один раз, обернувшись к кому-то в президиуме, попросил по-шугнански: «Дай воды».

С другой стороны, события начала 90-х гг., объявленная «гласность», с последующим распадом СССР,

независимостью Республики Таджикистан, языковая политика руководства Таджикистана, относительно большая свобода слова на Памире послужили толчком к публикациям на памирских языках. Расширяется функциональный диапазон этих языков, особенно шугнанского. Еще во времена СССР начали выходить местные газеты: с октября 1990 г. — «Фарҳанги Бадахшон» («Культура Бадахшана») — ежемесячное литературное приложение к газете «Бадахшони советӣ» («Советский Бадахшан»), с 1 апреля 1991 г. — «Маърифат» («Знание») — ежемесячное литературно-художественное приложение к газете «Коммунисти Шугнон» («Коммунист Шугнана»). В этих газетах печатаются как образцы фольклора, так и уже авторские литературные произведения. В основном, это стихи, рассказы, небольшие повести, юмористические миниатюры, шуточные «байки», сказочки для детей и прочее. Большая часть этих сочинений была на шугнанском языке, несколько меньше — на рушанском, однако были произведения и на бартангском, ишкашимском, ваханском, язгулямском языках, а также на киргизском (поскольку в состав ГБАО входит Восточный Памир, населенный киргизами) и даже на ванджском диалекте таджикского языка. Публикуются и небольшие сборники авторских стихов, например [Ҳабиб 1991] на шугнанском языке, [Раҳдор 1992] на рушанском.

Печатаются стихи основоположника шугнанской поэзии еще с 1930-х гг. Нодира Шанбезода. Его стихи представлены не только в виде газетных публикаций, но и в различных сборниках, и в уже появившихся трудах исследователей его творчества. Например, в качестве образца шугнано-язычной газели издано его стихотворение «Ба касе ҳавас надорам» («Другой не желаю») [Вопросы памирской филологии 1992: 173]. Позднее стараниями литературоведа и поэта В. Охонниёзова был заново издан многострадальный сборник Н. Шанбезода «Гулгунча», загубленный в 1937 г. [Шанбезода 1998].

Этот период — с начала 90-х годов XX в. явился вторым (после 1930-х гг.) прорывом литературной, письменной культуры памирских языков. Это были годы активизации писателей — поэтов и прозаиков Таджикского Бадахшана, и они выявили, судя по газетным и небольшим книжным публикациям, не только разнообразие фольклорных жанров (что тоже не забывалось), но и во многих случаях уже сформированный (оказывается!) к этому времени высокий уровень жанровой нормализации письменного литературного языка, прежде всего шугнанского; к этому времени реально уже сложилась ситуация, в которой шугнанский язык стал вторым *lingua franca* на Памире. Печатаются стихи многих поэтов, оформленные по высоким канонам классической литературы, начало чему заложил в 1930-е гг. Н. Шанбезода.

Об этапах освоения этого жанра свидетельствуют переводы на шугнанский язык произведений классической персидской литературы, например, стихотворный перевод произведения Носира Хусрава «Орёл» на шугнанский язык, выполненный поэтом Ато Мирходжа (опубликован в газете «Маърифат», 1991, № 2, с. 8). Главное же — появление собственных поэтических сочинений на шугнанском языке, построенных по классическим персидским канонам. Уже в этих небольших газетных и немногих книжных публикациях наблюдаются классические газели (с каноническими рифмами: *aa, ba, ca, da, ...* и т.д., с рефренами и с именем или псевдонимом автора в последнем бейте), рубаи (с традиционным оформлением и «философским» содержанием), месневи (с парными рифмами) и т.д.

Многие стихи и песенные тексты написаны в стиле современной русской и европейской поэзии. Анализ всего этого богатства — задача литературоведов, однако даже при беглом взгляде на многие стихи 90-х гг. заметны настолько сложные сочетания рифм и рефренов и построения

строф, что они со всей очевидностью свидетельствуют о предварительной фиксации и обработке текстов в письменном виде.

Таким образом, образцы письменной литературы начала 90-х гг. существенно отличаются от письменного творчества начала 30-х. В 30-е гг. грамотные люди писали для неграмотных, с целью их элементарного просвещения. В 90-е гг. пишут люди, образованные на базе как классической персидско-таджикской, так и современной таджикской литературы (это входило в школьный курс), знакомые с образцами русской и западной литературы и с фольклором на родных языках. И они пишут для читателей, имеющих в целом аналогичную образовательную базу и ценящих художественное слово. Это разговор на равных.

На этом этапе особенно остро возникала проблема практического алфавита, пригодного для литературных текстов, ориентированных на широкий круг читателей (языковой материал в научных трудах, включая публикации фольклора, обычно подается в научной транскрипции).

К этому времени и писатели, и читатели владеют грамотой и письменными (и читательскими) навыками, но на таджикском языке. Писатели пишут на родных языках, пользуясь поневоле таджикской графикой, не приспособленной к этим языкам, в расчете на читателя, который знает свой родной язык, умеет (в принципе) читать и может угадать значение того или иного слова. При всем неудобстве графики, писать и читать эти произведения можно, но с затруднениями, отчего художественный (особенно поэтический) текст воспроизводится тяжело.

Поэтому первой задачей прикладного характера явилось создание практических алфавитов, соответствующих фонетическим и фонологическим системам памирских языков. Предлагалось несколько вариантов, в разработке которых принимали участие лингвисты Москвы

и Таджикистана, включая представителей интеллигенции — носителей памирских языков. Для передачи фонем, отсутствующих в таджикском языке, были предложены как буквы-монографы с диакритиками, так и диграфы в разных вариантах.

В 1990-е гг., исходя из типографских возможностей Таджикистана, а особенно — Памира, предлагалось максимальное использование таджикского алфавита с очень небольшими изменениями. Например, для некоторых согласных фонем шугнанского языка, отсутствующих в таджикском, — диграфы: сочетания буквы с твердым знаком, изображения для долгих гласных — линейка над буквой, например: *дъийӯн* (*diyūn*) ‘два’, *дъйс* (*δīs*) ‘десять’, *зарӣзъ* (*zarīz*) ‘куропатка’ и др., см. [Карамшоев 1991: 8]; впоследствии эта идея в расширенном виде (для разных памирских языков) опубликована в виде брошюры [Карамшоев 1992]. Это был наиболее рациональный принцип для того времени, когда текст печатался на «пишущей» машинке и затем в типографии набирался или готовыми буквами-литерами, или на линотипе; к тому же часто текст был «слепым», учитывая бледную печать на рыхлой газетной бумаге. Однако на практике и этот приспособленный к памирским языкам принцип соблюдался не всеми авторами: в газетных и книжных публикациях наблюдаются случаи отсутствия твердого знака, замены его мягким знаком, отсутствия знаков длительности гласных, замены их двоеточиями после буквы и т.д. При этом разные передачи одного и того же звука иногда отмечаются у одного и того же автора и даже в одном и том же тексте.

В начале XXI вв., когда стал уже реальным компьютерный набор, иными стали и типографские возможности. Появились новые, более рациональные проекты. Кроме варианта, использованного в Институте перевода Библии

(буквы с диакритиками), были и другие предложения. Проекты обсуждались в разных учреждениях Таджикистана. В 2013 г. в секторе иранских языков Института языкознания РАН (Москва) сотрудником сектора Б.Б. Лашкарбековым (1948–2014) был организован семинар с обсуждением проектов алфавита, с приглашением писателей и поэтов, пишущих на памирских языках. По просьбам последних было решено, что алфавиты должны базироваться на основе привычной для них таджикской графики с некоторыми модификациями; идея о латинской основе не была ими принята⁴.

На данный момент наиболее удачным представляется шугнанский алфавит на базе таджикского с добавлением латинских и греческих букв, а также отдельных диакритик для обозначения специфически шугнанских звуков. Такой алфавит используется, в частности, для печатания детских книжек, издаваемых при международной поддержке. Книжки снабжены таблицей алфавита, в которой к каждой букве приводится шугнанское слово, начинающееся на данную букву, а к этому слову дается его перевод на таджикский и русский языки. Поскольку такие книжечки предназначены для детей от 2-х до 6-и лет, то таблица алфавита является подспорьем также и для взрослого человека, который будет читать этот текст малышу. Тем самым решаются проблемы и подготовки ребенка к школе, и обучения взрослого человека алфавиту и чтению письменного текста на родном языке. Тексты в таких книжках даются на двух языках: шугнанском и таджикском, что тоже облегчает ребенку последующее вхождение в школьное обучение. См. иллюстрации 2–3.

⁴ В Северном Пакистане создан алфавит на основе арабской графики для ваханского языка; в Афганистане — для шугнанского.

Хуўнўни алифбо

Aa аангит-ангушт-палец	Āā мак-гардан-шава	Бб бо-чак-чорингого-орех	Вв вируй-абру-бровь
Ww вире-тург-волк	Гг гуйт-гуйт-мисо	Ғғ гуй-гуй-узо	Ҳў Ҳиндел-зан-чир-цет
Дд даф-доира-бубен	Дб буст-даст-рука	Ее җем-шикор-окога	Êê рбў-лона-пездо
Жж жон-гов-ворова	Зз зава-наба-коротали	Зз зун-хур-малъимий	Ии чиб-қошук-посажа
Йй чид-хона-дом	Йй Лена-оина-зеркало	Кк куд-саг-собака	Ққ қмом-нон-хлеб
Лл леф-фурта-одило	Мм маф-ғуйдағ-овша	Нн нан-мадар-мама	Оо остин-макар-салтаншад
Пп паб-из-след	Рр рийц-рўбоқ-лиса	Сс суз-фтан-вила	Тт туб-тут-путовник
Уу буд-дил-дин	Ўў буғ-поффа-ботини	Ўў бун-рив-борода	Фф фот-кафтар-вакхир
Өө өир-хокистар-пепел	Хх хир-оғтоб-солнце	Хх хуйц-шар-молово	Чч чуй-хурис-петух
Чч чираб-чуроб-носки	Шш шай-ғусола-теленок	Цц цем-чаша-глаз	



Форзац и стр. 6 из кн. [Ризвошиоева 2015]⁵

⁵ Переводы текстов на стр. 6: шугн. «Тут и там (он) очень искал, одну морковь себе нашел», тадж. «Искал что-нибудь съедобное, наконец, одну морковь нашёл».

В настоящее время по этому образцу подготовлены детские книжки на рушанском и ваханском языках.

Получила развитие и художественная проза. Издаются отдельные сочинения, пока только на шугнанском языке.

Проблемы письменной речи не исчерпываются алфавитом. Одна из насущных проблем этого круга — морфологический принцип орфографии. Дело в том, что в имеющихся публикациях соблюдается в целом орфография, принятая для таджикского языка и ориентированная на таджикскую морфологию. Однако шугнанская морфология существенно отличается от таджикской. В частности, здесь иное словосложение в глагольных формах. Так, в таджикском языке формы прошедшего времени образуются от глагольной основы прошедшего времени постпозитивным присоединением личного окончания, например тадж. *дирӯз ба хона омадам* ‘я вчера пришел домой’, в транскрипции:

<i>dirūz</i>	<i>ba</i>	<i>xona</i>	<i>omad-am</i>
adv	prep	subst	verb past tense 1 sg (past stem + pers. ending 1sg)
вчера	в	дом	пришел-(я)

‘(я) вчера пришел домой’.

В шугнанском же, как и во многих других памирских языках, в формах прошедшего времени, перфекта и плюсквамперфекта лицо и число выражаются не окончаниями, а отделяемыми показателями-маркерами, которые продолжают древние местоименные энклитики и связки. Поскольку энклитики тяготели ко второй позиции в предложении, то эти личные показатели могут присоединяться не к глаголу, к которому они относятся, а к другому ударному члену предложения, в зависимости от фразового акцента, от тема-рематического членения фразы, от общего контекста, например шугн. *бийбр-ум тар чїд йат // бийбр*

тар чїд-ум йат // *бийōр тар чїд йат-ум* ‘я вчера пришел домой’, в транскрипции:

<i>бийōр-ум</i>	<i>тар</i>	<i>чїд</i>	<i>yat</i>
adv+verbal pers. marker 1sg	prep	subst	verb past tense 1sg (past stem)
вчера+(-я)	в	дом	пришел

‘(я) ВЧЕРА пришел домой’

<i>бийōр</i>	<i>тар</i>	<i>чїд-ум</i>	<i>yat</i>
adv	prep	subst+verbal pers. marker 1sg	verb past tense 1sg (past stem)
вчера	в	дом+(-я)	пришел

‘(я) вчера ДОМОЙ (// В ДОМ) пришел’

<i>бийōр</i>	<i>тар</i>	<i>чїд</i>	<i>yat-ум</i>
adv	prep	subst	verb past tense 1sg (past stem+verbal pers. marker 1sg)
вчера	в	дом	пришел(-я)

‘(я) вчера ПРИШЕЛ домой’.

Поэтому, например, в книге [Ризвоншоева 2015: 9] фразу *духтурен қиwd* ‘(они) позвали доктора’ стоило бы написать *духтур-ен қиwd*, поскольку показатель 3-го лица множественного числа *-ен* относится не к имени *духтур* ‘доктор’, а к основе прошедшего времени *қиwd* глагола ‘позвать’.

По-видимому, с обучением в школе грамматике шугнанского языка такие проблемы будут решаться легче.

Структура шугнанского языка, отличная от таджикской, может создавать и другие проблемы при выработке литературной нормы и при написании литературного текста. Известную

специфику шугнанского языка составляет отраженное в его лексике особое видение мира, членение пространства, отличное от таджикского. К таким особенностям относятся, например, способы указания на пространственную локализацию объекта, которые особенно характерны (или лучше всего разработаны и описаны лингвистами) для шугнанского языка. Здесь степень удаленности объекта высказывания от говорящего не двухступенчатая, как в таджикском и в большинстве языков Евразии, типа «этот» — «тот», а трехступенчатая: *йам* 'этот, что возле меня (или в моей пространственной сфере, реальной или мыслимой)' — *йид* 'тот, что возле тебя, недалеко' — *йу* (ж.р. *йā*) 'тот, далекий (от нас обоих)'. То есть пространство членится не на две, а на три сферы. Такое указание на участников речевого акта сходно с латинской триадой *hic* — *iste* — *ille* и этимологически частично соответствует ей (это достояние древней индоевропейской системы, где большое внимание было уделено пространству собеседника). В устной речи, когда повествование имеет реального адресата, присутствующего в процессе коммуникации, эта триада сохраняется. Однако неясно, что в этой триаде выживет в письменном литературном стиле (к тому же при влиянии таджикского языка), когда адресат будет только подразумеваться и реальное членение пространства будет отсутствовать.

Старая триада шугнанских предлогов направления и местонахождения *ни* (вверх от говорящего) — *таp* (в горизонтальном направлении) — *ар* (вниз от говорящего) уже сейчас допускает «отклонения от правил» в разговоре и в письменных текстах, когда говорящий/пишущий отрывается своего природного памирского фона. Так, в кн. [Хабиб 1991], в стихах, написанных на равнине, в г. Куйбышеве (ныне Самара) в 1982 г., отмечаются случаи иного соотношения предлогов, например в стихотворении «Ар Бадахшун савам» («Поедем в Бадахшан») употреблен предлог *ар*, хотя подразумевается движение вверх [Хабиб 1991: 18]; в стихотворении

«Салӯм ӯамард лу» («Передай ей привет») есть фразы и «са ар Помир» ('лети/ступай на Памир'), и «ривъаз рост ни Бадахшӯн» ('лети прямо в Бадахшан') [Ҳабиб 1991: 20]. Возможно, определенную роль здесь играет расположение регионов на географической карте.

По-видимому, все это придется учитывать при выработке нормированного литературного языка. И для этого необходимо знание системы языка, хотя бы в пределах основ грамматики.

Известно, что к настоящему времени необходимость изучения родного языка в начальной школе осознается носителями всех памирских языков. Практически ситуация такова, что дети дошкольного возраста живут в семье, в окружении родных, говорящих на родном языке. Придя в школу, многие дети еще не знают таджикского языка, на котором ведется преподавание. Поэтому наиболее рациональным является учебный процесс, при котором в начальных классах преподавание велось бы на родном языке с постепенным вводом в процесс обучения таджикского языка, чтобы к моменту, когда начнутся более сложные дисциплины (география, история, геометрия, таджикская классическая литература и т.п.) школьник уже владел бы в достаточной мере таджикским языком. Переводить все школьное обучение на родной язык нерационально: это закроет ученику путь к высшему образованию. Так естественно возникла необходимость в письменных учебных пособиях на родном языке, направленных на начальное обучение. Поэтому в 1990-х – начале 2000 гг. в некоторых школах Шугнана было введено факультативное обучение шугнанскому языку, созданы учебные пособия для начальных школ. Подробнее об этом процессе и программе и задачах обучения родным языкам и их сохранения см. [Аламшоев 2009: 177–182].

При выработке языка и стиля письменной литературы характерно противопоставление и взаимодействие трех сфер: литературный язык — просторечие — диалектизмы.

Что касается шугнанского языка, то здесь взаимодействие первых двух компонентов, по-видимому, достаточно ясно: уже при выработке устной литературной нормы просторечный компонент используется только при стилистической необходимости. Норма достаточно отработана. Но решать проблему соотношения литературной нормы и диалектизмов еще придется. Шугнанский язык диалектно неоднороден: имеются различия между говором Хорога и говорами, или подговорами, Шахдары и Барвоза (еще более отличен от них диалект Баджува). И, если устная литература (фольклор) создается на каждом говоре отдельно, то для письменной, по-видимому, придется избрать один вариант. Скорее всего, это будет говор Хорога как культурного центра (здесь теперь уже расположены и высшие учебные заведения, и Институт гуманитарных наук Академии наук Республики Таджикистан).

Проблему представляет социолингвистическая позиция других языков шугнано-рушанской группы, зависящая от того, будет ли использоваться шугнанский нормированный литературный язык в качестве письменного языка носителями рушанского, хуфского, бартангского, рошорвского языков.

В свое время при подготовке к изданию многотомного энциклопедического труда «Языки мира», когда для многих «малых» языков, не имеющих письменности, решался вопрос соотношения понятий «язык» — «диалект» и когда о возобновлении письменности на Памире можно было только мечтать, для памирских языков предлагались термины «язык» или «язык/диалект». Остановились на термине «язык», исходя из того, что определяющими являются три основных признака, отличающих «язык» от «диалекта»:

А. Наличие или отсутствие взаимопонимания между носителями форм речи, представляющих разные локальные единицы (что отражает степень языковой близости).

Б. Наличие или отсутствие единой наддиалектной нормы в виде письменного или устного литературного языка.

В. Наличие или отсутствие у носителей разных локальных языковых разновидностей этнического единства, выражающегося в едином самосознании и самоназвании.

По всем трем признакам отдельными языками предстали языки: ваханский, ишкашимский и язгулямский. Что же касается единиц, входящих в шугнано-рушанскую группу, они на тот период, согласно признакам Б и В, также квалифицировались как самостоятельные языки (подробнее см. [Эдельман 1980б: 127–147]. Если теперь шугнанский литературный язык будет использоваться как единая литературная норма носителями всех единиц этой группы, то это поменяет их социолингвистический статус: они будут квалифицироваться как диалекты единой группы, обладающей наддиалектной нормой в виде единого литературного письменного языка. При этом остальные параметры: язык фольклора, самосознание и пр. могут остаться прежними.

Имеются и другие языковые проблемы на Памире, связанные с новыми социальными условиями и с общими процессами глобализации. Решать их придется уже современному поколению памирской интеллигенции.

Литература

Аламшоев М. Историческое становление и перспективы сохранения памирских языков (Historical formation and perspectives for the preservation of the Pamiri languages) // *Endangered Languages and History* / Н. Elnazarov, N. Ostler (eds.) FEL, England, 2009.

Броимшоева М.К. Боварҳо ва таъбирҳо дар забонҳои шугнонӣ-рушонӣ: таҳлили этнолингвистӣ. Душанбе, 2012 («Поверья и толкования в шугнано-рушанских языках: этнолингвистический анализ», на таджикском языке).

Вопросы памирской филологии (Масъалаҳои филологияи Помир). Душанбе, 1992.

Даргилик. *Н. Шакармамадов, Х. Курбанов* (сост.) Душанбе, 1987.

Додыхудоев Р.Х. Памирские языки (к проблеме конвергенции) // Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания (Тез. докл.). Москва, 1970.

Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. Москва–Ленинград, 1960.

Каландаров Т.С. Шугнанцы (Историко-этнографическое исследование). Москва, 2004.

Карамшоев Д.К. Алифбои шарҳномаи муваққати шугнонӣ // «Маърифат». Хорог, 1991, № 3. («Шугнанский объяснительный временный алфавит», на таджикском языке).

Карамшоев Д.К. Алифбои фаврии забонҳои помири бо намунаҳои адаби. Хорог, 1992. («Временный алфавит памирских языков с литературными образцами», на таджикском языке).

Курбанов Х., Шакармамадов Н. Древний поэтический жанр даргилик // *Даргилик. Н. Шакармамадов, Х. Курбанов* (сост.) Душанбе, 1987.

Курбонхонова Н.М. Устураи чонварон дар фольклори Бадахшон. Душанбе, 2011 («Мифы о животных в фольклоре Бадахшана», на таджикском языке).

Назарова З.О., Назаров Н.О. Вазъи забонҳои Помири Фарбӣ: хатари азбайнравии забони ишкешимӣ (Language situation in the Western Pamir: Case of linguistic materials on the endangerment of Ishkashimi Language) // *Endangered Languages and History. Н. Elnazarov, N. Ostler* (eds.) FEL, England, 2009.

Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: Проблемы и решения. Москва, 2010.

Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Москва, 2000.

Раҳдор С. Номус. Душанбе, 1992 («Честь», на рушанском языке).

Ризвошиоева Г. Хитумбуц / Харгӯшак. (Аз 2-солā то 6-солā кӯдакенард) (Барои кӯдакони сини 2 то 6 сола). Харағ / Хоруғ, 2015. («Зайчик», на шугнанском и таджикском языках, для детей от 2 до 6 лет).

Ҳабиб Л. Дарёта тизд. Хорог, 1991 («Река течет», на шугнанском языке).

Шанбезода Н. Гулғунча. Хоруғ, 1998. («Бутон», на шугнанском языке).

Юсуфбеков Ш.П. Очерк исторической фонетики сангличского языка. Душанбе, 2013.

Эдельман Д.И. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // Вопросы языкознания. 1980а, № 5.

Эдельман Д.И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. Москва, 1980б.

Эдельман Д.И. Опыт перевода Евангелия на бесписьменные памирские языки (на примере язгулямского языка) // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. Москва, 2010.

Luqoi Inʼjil. Москва, 2001 (Евангелие от Луки, на язгулямском языке).

Morgenstierne G. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.

Джой Иосифовна Эдельман
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Joy Iosifovna Edelman
Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
joy.edelman@gmail.com